

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15163

EDN: SJTIZK



Человек ли женщина? О «смешной и неважной» ссылке на журнал и книгу в «Преступлении и наказании» Достоевского

Т. А. Касаткина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован эпизод, в котором Разумихин предлагает Раскольникову для спасения его от голода и нищеты перевести с немецкого языка половину брошюры, которую в конце концов называет «Человек ли женщина?». Исследователи установили, что Достоевский здесь указывает на «Внутреннее обозрение» Г. Елисеева и книгу Агриппы Неттесгеймского «О благородстве и преимуществе женского пола», однако интерпретировали эту ссылку как самое общее указание на актуальность женского вопроса в эпоху создания романа и предположили, что прямую ссылку Елисеева на книгу Агриппы Достоевский вообще должен был счесть мистификацией. В статье показано, что этот «смешной» «проходной» эпизод очень важен в идейной структуре романа и задумывался автором в почти не измененном виде с самого начала, то есть он представляет собой одну из несущих идейных конструкций произведения. Показано также, что Достоевский читал и широко задействовал в «Преступлении и наказании» не только «Обозрение» Елисеева (например, для снятия романтического флера с теории «двух разрядов»), но и книгу Агриппы. Последнее устанавливается обнаружением аллюзий на тот текст из нее, который не был процитирован у Елисеева — аллюзий, присутствующих в очень значимых местах романа Достоевского, не понятных до конца без учета этой книги, и наоборот, в свете ее обретающих ясность. Таково, например, упоминание Авраама перед финальным сердечным обращением Раскольникова к Соне. В статье сделано также предположение, что Достоевский читал не только эту книгу Агриппы.

Ключевые слова: Достоевский, Преступление и наказание, Раскольников, Соня Мармеладова, структура глубокого текста, книга в книге, чтение персонажей, сочинения персонажей, Агриппа Неттесгеймский, О благородстве и преимуществе женского пола, Григорий Елисеев, Внутреннее обозрение, Песнь Богородицы, чада Авраамовы

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф. М. Достоевского 1859–1881 годов») в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.

Для цитирования: Касаткина Т. А. Человек ли женщина? О «смешной и неважной» ссылке на журнал и книгу в «Преступлении и наказании» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 164–196. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15163. EDN: SJTIZK

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15163

EDN: SJTIZK

Is a Woman a Human Being? On the “Funny and Unimportant” Reference to a Magazine and a Book in “Crime and Punishment” of Dostoevsky

Tatiana A. Kasatkina

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes an episode in which Razumikhin suggests that in order to save himself from hunger and poverty Raskolnikov translate from German half of a pamphlet, which he eventually calls “Is a Woman Human?” The researchers found that here Dostoevsky was referring to Eliseev’s “Inner Review” and Agrippa Nettesheim’s book “On the Nobility and the Advantage of the Female Sex,” but interpreted this reference as the most general indication of the relevance of the subject of women at the time of the novel’s creation and suggested that Dostoevsky must have considered Eliseev’s direct reference to Agrippa’s book a hoax. The article shows that this “funny” and “transient” episode is very important in the ideological structure of the novel and was conceived by the author in an almost unchanged form from the very beginning, that is, it represents one of the key ideological structures of the work. It is also shown that Dostoevsky read and extensively used in *Crime and Punishment* not only Eliseev’s “Review” (i.e., to remove the romantic flair from the theory of “two categories”), but also Agrippa’s book. The latter is confirmed by the discovery of allusions to those parts of the text that were not quoted by Eliseev — allusions present in very significant places of Dostoevsky’s novel that cannot be fully understood without taking this book into account, and vice versa, gaining clarity in its light. Such, for example, is the mention of Abraham before Raskolnikov’s final cordial address to Sonya. The article also suggests that Dostoevsky had read other books by Agrippa as well.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Raskolnikov, Sonya Marmeladova, the structure of deep text, book within a book, reading of heroes, writings of heroes, Agrippa of Nettesheim, *On the Nobility and Preeminence of the Female Sex*, Grigory Eliseev, *Internal Review*, *Song of the Virgin Mary*, the children of Abraham

Acknowledgments. The research was carried at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 25-18-00009).

For citation: Kasatkina T. A. Is a Woman a Human Being? On the “Funny and Unimportant” Reference to a Magazine and a Book in “Crime and Punishment” of Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 3, pp. 164–186. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15163. EDN: SJTIZK

Момент прихода Раскольникова к Разумихину, безусловно, опознается читателями и исследователями как важный и поворотный в сюжете романа, но разговор о том, каким образом Разумихин может помочь «приятелю» заработать, ощущается смешным и нелепым — и потому проходным. Между тем именно самые, на первый (да и на второй) взгляд, нелепые и смешные эпизоды у Достоевского скрывают (и открывают внимательному читателю) самые глубокие основания романских идей. Достоевский именно в смешном и нелепом, непривычном взгляду и слуху, прячет (или, наоборот, научает читателя отыскивать) великое и преобразующее. И в этом он являет себя как реалист в высшем смысле — потому что и в реальности дело обстоит таким же образом, и как воспитатель — потому что стремится воспитать в читателе способность различения.

Говоря в «Дневнике писателя» за октябрь 1876 г. о лучших людях, истинных и «условных», он объясняет общественную необходимость «условных» лучших людей тем, что лучшие люди «первого разряда, то есть истинно доблестные и перед которыми все или величайшее большинство нации преклоняются сердечно и несомненно, — отчасти иногда неуловимы, потому что даже идеальны, подчас трудно определимы, отличаются странностями и своеобразностью, а снаружи так и весьма нередко имеют несколько даже неприличный вид, то взамен их и устанавливаются лучшие люди уже условно, в виде, так сказать, касты лучших людей, под официальным покровительством: “Вот, дескать, сих уважайте”» [Достоевский, 1981; т. 23: 154]. Но, признавая общественную необходимость «условных» лучших людей, он стремится научить читателя видеть истинных лучших людей и истинно важные идеи под флером неуловимости, странности и своеобразности и даже отчасти неприличного вида — именно потому, что больше-то они нигде и не обретаются,

а «условные» лучшие люди и установленные для всех великие идеи формируются путем внешнего оформления заимствованных у лучших людей идей и побудительных мотивов. Так то, что было внутренним двигателем, плохо различимыми глубинными побуждениями, становится легко опознаваемым для внешнего взгляда — но одновременно оно превращается из внутреннего двигателя (и внутренней опорной системы) в экзоскелет, важный для формирования «условных» лучших людей и единых общественных принципов — но и радикально ограничивающий их развитие в перспективе. Достоевскому же важно научиться и научить видеть Учителя, восполняющего, а не воспроизводящего прежде бывшее, движущего человека вперед — под каким бы странным видом Он не являлся, и не принимать за такового фарисеев и законников, превращающих движущие идеи в ограничивающие формы.

Когда Раскольников после совершения преступления приходит к Разумихину просить помощи в получении уроков, Разумихин сообщает ему, что уроков у него нет, а есть «книгопродавец Херувимов, это уж сам в своем роде урок» [Достоевский, 1973; т. 6: 88]. И этот Херувимов (совершенно понятно, что *такая* фамилия не может быть проходной у Достоевского в «Преступлении и наказании», где все имена значимы, — однако не сразу удастся увериться, что она здесь значит именно то, что первым приходит в голову; но об этом мы поговорим чуть позже) — так вот, этот Херувимов именно сейчас собирается издавать по поводу женского вопроса брошюру, для которой Разумихин взялся перевести «два с лишком листа» немецкого текста на тему «человек ли женщина?», где «разумеется, торжественно доказывается, что человек». Он готов поделиться с Раскольниковым и предлагает ему *второй* лист «Человек ли женщина?» — и в этом случае фраза выступает уже не как *тема*, но как *название*. То есть — если точно следовать изгибам текста Достоевского, мы здесь имеем *две* отсылки: первую на некую брошюру, торжественно доказывающую, что женщина — человек, и вторую — на текст с названием «Человек ли женщина?».

Комментаторы нового Полного собрания сочинений Достоевского (в 35 т., далее — ПСС)¹, вслед за Борисом Тихомировым, уже указали (и совершенно справедливо) на эти два текста — хотя они (как и Б. Н. Тихомиров) предположили, что «брошюра» была известна Достоевскому не самостоятельно, а только как процитированная во втором тексте, что не соответствует действительности². Первый текст — брошюра Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского «О благородстве

¹ Н. Н. Соломина, В. М. Димитриев, С. А. Кибальник, В. Д. Рак, Н. А. Тарасова, при участии Т. Б. Трофимовой-Шифф [Достоевский, 2019; т. 9: 434–435].

² См.: [Тихомиров, 2005: 147–149]. В числе прочего Тихомиров пишет: «Стиль и парадоксальная система аргументов анонимного автора, а также то, как его "диссертация" была представлена в фельетоне Елисеева, вызывали у читателей подозрение, что это, скорее всего, остроумная пародийная мистификация самого фельетониста. <...> Именно как мистификацию, по-видимому, воспринял публикацию Елисеева и Достоевский ("глупейшее шарлатанство")» [Тихомиров, 2005: 148]. Но, конечно, методологически невозможно делать выводы о знакомстве с книгой и об отношении к книге *автора* на основании высказываний *героя*. Более того, повторю: именно в самые смешные и нелепые эпизоды и характеры Достоевский и заключает самые грандиозные смыслы. Что же касается книги Агриппы, то Достоевский не только читал ее (а не исключительно пространные выписки Елисеева, что видно из того, как работают *не процитированные* Елисеевым фрагменты в тексте «Преступления и наказания») и мощнейшим образом вплел ее в свой текст, как мы увидим из дальнейшего анализа, но, вероятно, был знаком и с другими его сочинениями, в частности, с работой «О недостоверности и тщете наук и искусств» (вариант перевода названия: «О ненадежности и тщете мирских искусств и наук» [Агриппа, 2023]; «De incertitudine et vanitate omnium scientiarum et artium», 1531), 102-я глава которой называется «Отступление в похвалу осла». Заметим, что творения Агриппы очень рано были переведены на доступные Достоевскому европейские языки (при том, что ему, в принципе, был доступен и латинский текст), так что он не обязательно должен был его читать именно в русском переводе. Марк ван дер Пол пишет: «*The Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium atque excellentia verbi Dei* [Declamation on the Uncertainty and Worthlessness of the Sciences and the Arts, and on the Excellence of the Word of God], written in 1526 and published in 1530 by Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim (1486–1535), is a good example of a Latin humanist text so popular that it was translated into several vernaculars during its own century. An Italian translation was published in 1547, an English translation in 1569, and a French one in 1582» [Poel Marc van der: 305] («Речь о недостоверности и тщете наук и искусств и о превосходстве Слова Божия», написанная в 1526 и опубликованная в 1530 г. Генрихом Корнелиусом Агриппой Неттесгеймским, представляет собой хороший пример настолько популярного гуманистического текста на латыни, что он был переведен на несколько народных языков уже в том веке, в каком был создан. Перевод на итальянский

и преимуществе женского пола»³, изданная Санкт-Петербургской Императорской Академией наук в 1784 г. в переводе с латинского, однако автор ее немец. Второй — «Внутреннее обозрение» Григория Захаровича Елисеева, опубликованное в журнале «Современник» (1861. № 5). Следует заметить, что «Преступление и наказание» вообще богато на мгновенные, но очень плотно идеологически вплетенные в текст отсылки к периодике именно 1861 г. Так, Свидригайлов вспомнит о «Безобразном поступке "Века"» — и эта отсылка, связывающая состояние его души с состоянием души тех, к которым «приходил тогда наш Божественный Искупитель» [Достоевский, 1979; т. 19: 137]⁴, будет одной из самых пронзительных его супратекстовых характеристик. Один из разделов «Внутреннего обозрения» Елисеева начинался словами «Женщины — люди ли?» — и в нем он, кроме собственных рассуждений, перепечатал примерно *половину* текста брошюры Агриппы Неттесгеймского.

Однако, судя по всему, комментаторы ЛСС внутрь «Обозрения» Елисеева (и, тем более — книги Агриппы) не особо заглядывали. Это следует, прежде всего, из того, что они сочли нужным привести целый ряд названий книг и статей о женском вопросе того времени — но которые Достоевский *не упоминал* в романе. Тем самым они сместили внимание читателя, пользующегося комментариями, на общую социальную повестку того времени, убрав из его сознания вопрос о том, *зачем и почему* Достоевскому понадобились в романе *именно* эти два текста. Комментарий создает впечатление, что писатель назвал их лишь для того, чтобы обозначить острое внимание общества к женскому вопросу — и упомянул их исключительно как *представителей ряда*, который заботливые комментаторы для читателя и восстанавливают [Достоевский, 2019; т. 7: 650–651].

Между тем это не так — и Достоевский так *в принципе* не работал. Если он включает упоминание легко опознаваемого текста в свое произведение (а после Обозрения Елисеева текст был опубликован в 1547, на английский — в 1569, на французский — в 1582» (перевод мой. — Т. К.)).

³ Вариант перевода названия: «Речь о достоинстве и превосходстве женского пола» [Агриппа, 2010].

⁴ См. об этом: [Касаткина, 2004: 155–156].

Агриппы стал, на взгляд Достоевского, *очень* легко опознаваемым) — это значит, что текст этот работает на *фундаментальные* идеи его произведения, и сотрудники научно-исследовательского Центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, работая с книгами, включенными в романы «Преступление и наказание» и «Идиот», уже не раз наглядно это показали (см., напр.: [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский]).

Важность этой «проходной» отсылки подтверждается тем, что она планировалась автором буквально с самого начала: то есть, следуя описанию Достоевским работы творца в письме Майкову⁵, принадлежит к самой сердцевине идеи, которую автор, *получив*, должен *выявить* в произведении. Еще в раннем тексте *от первого лица*, где главного героя зовут Василием (и это важно), она существует практически в *том же самом* виде, в каком она войдет в окончательный текст⁶.

⁵ Достоевский пишет: «...поэма, по-моему, является как самородный драгоценный камень, алмаз, в душе поэта, совсем готовый, во всей своей сущности, и вот это первое дело поэта *как создателя и творца*, первая часть его творения. Если хотите, так даже не он и творец, а жизнь, могучая сущность жизни, Бог Живой и Сущий, совокупляющий свою силу в многообразии создания *местами*, и чаще всего в великом сердце и в сильном поэте, так что если не сам поэт творец (а с этим надо согласиться, особенно Вам как знатоку и самому поэту, потому что ведь уж слишком цельно, окончательно и готово является вдруг из души поэта создание), — если не сам он творец, то, по крайней мере, душа-то его есть тот самый рудник, который зарождает алмазы и без которого их нигде не найти. Затем уж следует *второе* дело поэта, уже не так глубокое и *таинственное*, а только как художника: это, получив алмаз, обделать и оправить его. (Тут поэт почти только что ювелир.)» (полу жирным выделено и ударение поставлено мной. — Т. К.) [Достоевский, 1986; т. 29, кн. 1: 39].

⁶ Ср.: «— Да ты слушай: по мне ведь как хошь! (всегда говорил с сокращением). Ты говоришь, что я глуп. Ей Богу, брат, есть глупее. Вот что: уроков и у меня нет, да и наплеватель, а есть на Толкуем книгопродавец Херувимов, это уж получше уроков, да и сам он в своем роде урок. Он этакие изданыца делает и теперь естественнаучные книжонки пускает. Вот тут два листа немецкого текста и самого глупейшего шарлатанства при этом, одним словом, рассматривается, человек ли женщина или нет, и торжественно доказывается, что она человек. Я перевожу; растянет он эти два листа на шесть листов, издаст под пышным заглавием в полстраницы, а продавать будет по полтиннику, ну и сойдет. За перевод мне по 6 р. с листа, значит, всего 12, и шесть рублей я взял вперед. Переведу это, и еще будут переводы; об китах что-то там, и пара еще, не утомим. Хочешь второй лист "Человек ли женщина или нет?" переводить? Коли хочешь, так возьми сейчас, и возьми три рубля, так как я за весь перевод вперед взял, а стало быть, это прямо приходится на твой пай» [Достоевский, 1973; т. 7: 37].

Если все же открыть «Обозрение» Елисеева, выяснится, что оно, вообще-то (и Борис Тихомиров это отметил), состоит из *двух* частей. И первая его часть называется: «Мужики — люди ли?» — что разом помещает этот текст в совсем другой контекст, чем предложен комментаторами ПСС, поскольку эта первая часть с безусловной очевидностью имеет самое прямое отношение к теории двух разрядов Раскольникова. И, прежде всего, эта часть наглядно показывает, что теория Раскольникова действительно и в самом деле ничего оригинального и сколько-нибудь выдающегося собой не представляет, что разделение людей на «разряды» и «породы», определенные самую *натурою*, — широко обсуждаемый на тот момент вопрос — и что действительно единственное, что принадлежит собственно Раскольникову, как и скажет ему об этом Разумихин, — это идея о праве «высших» *по совести* убивать «низших». Этой первой частью «Обозрения» Елисеева статья Раскольникова прямо вводится в несколько неожиданный (по крайней мере, для нынешнего читателя) без ее учета контекст — *в контекст только что отмененного крепостного права*, — и в свете этого контекста Раскольников со своей теорией внезапно оказывается не романтическим грядущим властелином и устройтелем мира — а где-то недалеко от Салтычихи.

Приведем цитату, показывающую, насколько Обозрение Елисеева — действительно ближайший контекст статейки⁷ Раскольникова:

«Право, лучше немца доказываю, что женщина — человек» [Достоевский, 1973; т. 7: 123]. Что касается «естественнонаучной» книжки «о китах», то Ольга Меерсон уже несколько раз в обсуждении на конференциях, посвященных «Преступлению и наказанию», высказывала мысль, что это может быть отсылка к «Моби Дик» Германа Мелвилла (1851, английское название «*Moby-Dick, or The Whale*», то есть «Кит» (в данном случае определенный артикль может указывать на то, что речь идет о, так сказать, платоновской идее кита, о Ките, каков он в Господнем замысле)). Если Ольга Меерсон права (для установления этого требуется, в качестве первого шага, посмотреть историю переводов «Моби Дика, или Кита», чтобы понять степень доступности книги Достоевскому) — то вторая названная здесь «естественнонаучная книжка» окажется в той же степени «естественнонаучной», как и «О достоинстве и превосходстве женского пола».

⁷ Интересно, что «статейкой» ее называет только Порфирий Петрович, остальные герои говорят о ней с гораздо большим пиететом.

«Мнение о существовании различных пород людей с потомственной, разумеется, передачею качеств породы подтверждается отчасти современною наукою. <...> Принимая во внимание изыскания науки, принимая во внимание бесконечную разницу, которая усматривается в нашем отечестве между людьми благородными и мужиками, почему бы мы не могли отнести последних к тем низшим, первоначальным формам людей, от которых в незапамятные еще времена, при содействии счастливых обстоятельств, несколько неделимых⁸, успели отделиться, счастливо организовать (выше Елисеев показывает некоторые формы этой организации: пиратство, разбой, "крышевание", как мы бы сейчас сказали. — Т. К.) и, постепенно усовершенствуясь, образовать нынешнюю породу людей благородных, — или почему бы не отнести их к потомкам ископаемых, хотя не тех, которым принадлежат каменные топоры, найденные Буше де Перт, а положим тех, черепа которых найдены в пещерах Шово и Дании? Нам кажется, что мужички наши этим не обидятся. Да и обидеться, кажется, нечем. Все-таки мы не исключаем ведь их из числа людей, а относим только к породам низшим» [Елисеев: 66–67 / 622–623]⁹.

Если возразить, что Раскольников совсем даже не утверждает, что качества, проявившиеся в необыкновенных людях, передаются потомству, то и этот взгляд разбирается Елисеевым, указывающим на то, что «еще Платон в своей "Республике" (что ныне на русский язык переводят как "Государство". — Т. К.) говорил, что одни *золотые* созданы владычествовать». «Но, — продолжает автор, — так как золотой человек может быть отцом *железного*, то после рождения должно детей всех перемешивать и по обнаружению способностей отличать лучших от худших» [Елисеев: 72 / 628]. Замечу, что совсем недавно мы опубликовали в нашем журнале статью Александра Криницына «Социально-философское осмысление темы справедливости в диалоге "Государство" Платона и в "Преступлении и наказании" Ф. М. Достоевского» [Криницын], где автор показывает мощное идеологическое присутствие «Государства» в «Преступлении и наказании» — но, в связи с тем, что книга

⁸ Елисеев обыгрывает значение слова «индивид».

⁹ Поскольку «Обозрение» Елисеева — это вторая пагинация тома, я даю через косую черту страницы по их номеру в pdf-файле, чтобы ссылки можно было легко отыскать.

не упомянута в романе (и это — учитывая действительно мощное ее присутствие — воспринималось доселе как странное обстоятельство), считает даже нужным доказывать, что Достоевский читал-таки Платона. Однако книга, как мы видим, все же упомянута — можно назвать эту конструкцию «книгой в книге в книге», и вероятно, Достоевский, как всегда переоценивая читателя, считал, что этого косвенного упоминания более чем достаточно. Замечу также, что именно эта цитата вскрывает мощный пласт смыслов в романе, поскольку навязчивый желтый тоскливый цвет, доминирующий там согласно восприятию многих читателей, — это, как я показала в книге «Священное в повседневном» [Касаткина, 2015: 12–13], непроявленный, истощенный или скрытый под наносной грязью солнечный или золотой цвет. Причем Платон считает проявленное золото в человеке *врожденным* (и Раскольников в своей теории оказывается с ним согласен), а Порфирий, с его призывом к Раскольникову: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего нужно быть солнцем» [Достоевский, 1973; т. 6: 352], — как и христианство — провозглашает и показывает, что его можно *обрести*, что солнцем и золотом можно *стать*, если устремиться сердцем вслед за Христом. Ведь Христос и есть Солнце и Золото романа, а также — мира и *каждой* человеческой души, следовательно, уже непременно содержащей в себе золото как образ Божий — и лишь не дающей ему проявиться, зарывающей его в «землю» своей выступающей на первый план индивидуальности, «я». И если не счесть единственно годными для исправления мира средства маммоны, внешние, бессильные, не работающие, если ими не распоряжается, их не движет порыв самоотверженного сердца, если герой пытается не отдать свое, а отобрать чужое.

В первой же части Елисеев приравнивает получение образования к получению *первоначального капитала*. И это тоже высвечивает целую линию романа, наиболее концентрированно выраженную в восклицании Настасьи на отказ Раскольникова учить и учиться:

«— А тебе бы сразу весь капитал?» [Достоевский, 1973; т. 6: 27].

Переход во второй части «Обозрения» к вопросу о женщинах заставляет рассматривать текст «Преступления и наказания» под совсем уж непривычным углом: вдруг и неожиданно становится заметно, что в теории своей Раскольников рассуждает о *мужчинах*, а убивать-то идет *женщин*. Между тем во второй части Елисеев сливается с Агриппой вовсе не в *апологии*, а в *похвале* женщинам, речь идет совсем не о равенстве, а о достоинстве и превосходстве, благородстве и преимуществе женщин перед мужчинами. Елисеев даже, поставив вопрос: а люди ли — деревенские бабы (надо ли уточнять, что все «Обозрение» пронизано иронией?), — немедленно отвечает, что будет доказывать «обо всех женщинах, что они не только люди, но и люди, по преимуществу, гораздо высшие мужчин», апеллируя к брошюре Агриппы. И пишет далее:

«"Как же это", спросит нас читатель: "ведь это будет противоречие: мужики, говорили вы, люди низшего порядка, а бабы — жены их — будут выше мужчин даже высшего порядка, — это как?"

Благосклонный читатель! Мы уже предупредили вас, что у нас противоречий всегда бездна, что без этого мы вовсе не можем писать. Уж как это там случилось, что женщины всех сортов и видов вышли выше мужчин всех же сортов и видов, только вышли. Вот вам и доказательства» [Елисеев: 79 / 635].

Доказательствами и служат выписки *половины* текста Агриппы.

Несмотря на свой ироничный стиль, Елисеев в данном случае как минимум наполовину серьезен. И надо сказать, что Достоевский в более поздних, чем роман, черновых записях высказывает ту же мысль вообще без капли смягчающей иронии и оказывается гораздо ближе в своей серьезности к Агриппе, чем к Елисееву:

«Когда-то была идея о *mésalliance*. Но уже вечные исключения из общего правила показывали о ее несостоятельности. *Женщина рождается аристократкой* и, если достойна того нравственно, всем равна, равна королям» (выделено мной. — Т. К.) [Достоевский, 1980; т. 21: 258]¹⁰.

¹⁰ Нельзя не вспомнить и *похвалу женщине* Достоевского (и похвалу, написанную именно в сопоставлении с мужчинами и их катастрофическими для русской жизни качествами), например, из «Дневника писателя» 1873 г.: «А все-таки из числа Пироговых и вообще всех "безбрежных", кажется, можно исключить огромное большинство наших женщин. В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине всё это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на все даже теперешние уклонения. Женщина меньше лжет, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет нелгущих, — я говорю про теперешний момент нашего общества. Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьезнее*, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться*. Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?» [Достоевский, 1980; т. 21: 125]. И позже, в майском «Дневнике писателя» 1876 г.: «И сколько в ней (в Русской земле. — Т. К.) несомненно честных людей и особенно честных женщин! Женщины у нас поднимаются и, может быть, многое спасут, об этом я еще буду говорить. Женщины — наша большая надежда, может быть, послужат всей России в самую роковую минуту» [Достоевский, 1981; т. 23: 24]; «А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине. Я сказал уже, что в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления. Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным. Подъем в запросах ее был высокий, откровенный и безбоязненный. Он с первого раза внушил уважение, по крайней мере заставил задуматься, невзирая на несколько паразитных неправильностей, обнаружившихся в этом движении. Теперь, однако, уже можно свести счеты и сделать безбоязненный вывод. Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклониению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества» [Достоевский, 1981; т. 23: 28]. И в сентябрьском «Дневнике писателя» 1877 г.: «Но главное и самое спасительное обновление русского общества выпадет, бесспорно, на долю русской женщины. После нынешней войны, в которую так высоко, так светло, так свято проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомневаться в том высоком уделе, который несомненно ожидает ее между нами. Наконец-то падут вековые предрассудки, и "варварская" Россия покажет, какое место отведет она у себя "матушке" и "сестрице" русского солдата, самоотверженнице и мученице за русского человека. Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной по образованию,

Если мы учитываем этот поворот, практика Раскольникова начинает еще более противоречить его же собственной теории.

Текст Агриппы и цитирующего его Елисеева делает вполне ясным, почему Божество в романе Достоевского является в женщине, прежде всего в Соне (и только сильное давление редакции «Русского вестника» заставило писателя передать часть преобразующих Раскольникова речей и функций Порфирию¹¹). Приведем только две цитаты из множества возможных:

«...муж есть *естества* дело, а жена единственно *Божие*» (выделено мной. — Т. К.) [Елисеев: 81 / 637];

«И потому жена Божеского сияния в себе показывает более мужа и всегда исполнена оного бывает, что и доселе ясно видеть можно в чистоте ее и красоте удивительной. Ибо самая красота есть не что иное, как Божеского лица и света сияние, вещам дарованное и блистающее в телах прекрасных. Оное всемерно обитает и наполняет более жен, нежели мужей» [Елисеев: 81 / 637].

Исследователи замечали, что Соня выполняет для Раскольникова функцию священника: она принимает его исповедь, надевает на него крест¹² — и Агриппа настаивает на том, что женщины способны и достойны ее исполнять (хотя приводит

по занятиям, по должностям, тогда как на нее-то мы и возлагаем все надежды наши теперь, после подвига ее, в духовном обновлении и в нравственном возвышении нашего общества! Это уже будет стыдно и неразумно, тем более, что не совсем от нас это и зависеть будет теперь, потому что русская женщина сама стала на подобающее ей место, сама перешагнула те ступени, где доселе ей полагался предел. Она доказала, какой высоты она может достигнуть и что может совершить» [Достоевский, 1984; т. 26: 33]. И в декабрьском номере «Дневника писателя» 1877 г.: «...может быть, русская-то женщина и спасет нас всех, всё общество наше, новой возродившейся в ней энергией, самой благороднейшей жаждой *делать дело* и это до жертвы, до подвига. Она пристыдит бездеятельность других сил и увлечет их за собою, а сбившихся с дороги воротит на истинный путь» [Достоевский, 1984; т. 26: 127].

¹¹ См. об этом: [Тихомиров, 1986], [Касаткина, 2023: 178–194].

¹² Как отмечал К. А. Степанян: «В романе "Преступление и наказание" исповедь Раскольникова (первую настоящую после нескольких псевдопопыток — в конторе, Заметову и т. д.) принимает Соня, и Евангелие читает ему она же, и надевает ему на грудь крест, и накладывает епитимью (признание в убийстве и принятие приговора) — то есть все то, что делает священник в церкви, здесь исполняет Соня, она становится священником для Раскольникова» [Степанян: 123].

в своем месте объяснение, почему священниками у христиан становятся только мужчины):

«...у Иудеев сестра Моисеева Мариам купно с Аароном в святилище вход имела, и как священница была почитаема. В нашем благочестии, хотя женщинам сан священства и возбраняется, однако знаем из истории, что некогда женщина в образе мужчины на высочайшую степень Папского достоинства вступила. Не известны и из наших многие святейшие игумены и монахины, которых древность не устыдилась бы назвать священниками...» [Агриппа, 2020: 36].

Но наиболее явно ответ на вопрос: человек ли женщина? — звучит в романе в части 6, главе VIII:

«Дуня из этого свидания, по крайней мере, вынесла одно утешение, что брат будет не один: к ней, Соне, к первой пришел он со своею *исповедью*; в ней искал он *человека*, когда ему понадобился *человек*; она же и пойдет за ним, куда пошлет судьба. Она и не спрашивала, но знала, что это будет так. Она смотрела на Соню даже с каким-то благоговением и сначала почти смущала ее этим благоговейным чувством, с которым к ней относилась» (выделено мной. — Т. К.) [Достоевский, 1973; т. 6: 402].

И здесь становится видно, что Соня выполняет для героя то, что *выполняет для человека* не священник, а *Христос* — всерьез и полностью, а не ситуативно и функционально входящий в каждую жизнь¹³.

В тексте романа в соотнесении с текстами Елисея и Агриппы есть еще очень много интересного, но поскольку объем статьи ограничен, я скажу лишь об одном фрагменте Агриппы, полностью проясняющем причину появления в эпилоге Авраама, о чем уже было составлено немало остроумных и в достаточной степени идущих к делу теорий¹⁴. Но здесь все очевиднее.

В самом конце Раскольниковов все еще не раскрывает Евангелия, но думает о Соне:

¹³ Ситуативность и функциональность священника, говорящего принятые и правильные слова, но не входящего в жизнь тех, к кому он пришел в катастрофическую минуту их судеб, и с печалью осознающего это, показана в эпизоде смерти Мармеладова.

¹⁴ См., например: [Меерсон], [Борисова].

«Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...» [Достоевский, 1973; т. 6: 422].

И это, надо признать, не совсем то, что обычно можно услышать от русского человека на randevу о его женщине. Но вот что говорит Агриппа об Аврааме и его духовных потомках:

*«...которые оправдившиеся верою учинилися чада Авраамовы, чада, говорю, обетования, те подлежат жене, и обязаны оным повелением Бога к Аврааму, обещающего: **вся, яже речет ти Сарра, послушай гласа ея**»* (выделено мной. — Т. К.) [Агриппа, 2020: 41].

Агриппа же, прибегая к кабалистике, утверждает, что «Авраам получил благословение чрез жену свою Сарру, отнятием от имени жены последней литеры *h* и приданием имени мужа, и назван *Абрагам* (*Прежде Sarah, Abraam, потом Sara, Abraham*)» (выделено мной. — Т. К.) [Агриппа, 2020: 29] — то есть Авраам освящается и становится тем, что он есть, — жертвой жены, от нее получая духа (литера *h* произносится с придыханием или прямо как придыхание). В свете этого утверждения очень интересно разворачивается в романе движение образов, встающих за героями. Соня изначально является как образ Христа в речи Мармеладова¹⁵. В сценах с Раскольниковым она приобретает «священническую» функцию — а точнее сказать, в ней, надевающей крест на героя, начинает проступать образ Иоанна Крестителя (то, что она одновременно надевает крест и на себя, может быть прочитано как отсылка к сцене, в которой Иоанн «удерживал» Христа и говорил: *«Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»* (Мф. 3:14)). В финале же в ней проступает образ Богородицы: она является как чудотворная икона Богородицы в восприятии каторжников [Касаткина, 2004: 228–229], а в сцене последней встречи герои вместе создают икону Богородицы с Младенцем-Христом («Споручница грешных») [Касаткина, 2004: 230–234]. Можно, кстати, здесь впервые заметить, что Соня проходит весь круг образов, расположенных на иконе Св. Софии вокруг Софии на троне (Христос (над головой Софии), Иоанн Креститель, Богородица с Младенцем (по сторонам)).

¹⁵ См. об этом: [Тихомиров, 2016: 89–91], [Касаткина, 2022].

Но в данном случае я хочу обратить внимание на другое. В письме матери, в самом начале романа, мы явственно видим Раскольников в образе Младенца-Христа на коленях Мадонны:

«Если так, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, как еще в детстве своим, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!» [Достоевский, 1973; т. 6: 34].

То есть герой здесь предъявлен читателям как второй (после Сони) Христос романного мира — по заданию [Касаткина, 2015: 12, 169, 210]. От задания герой отходит. В финале, однако, ему вновь возвращается то, что обещалось в детстве, но было им попорно и разрушено: он вновь становится участником иконы, образом Младенца-Христа — за счет того, что Соня «отступает» из этого Образа и являет собой в этой сцене Богоматерь. Благодаря ее духовной жертве (как Сариной, отдавшей h) Раскольников возвращается в высочайшую духовную область.

Укажем на последний момент, проясняющий, почему важно, что сцена прихода к Разумихину планировалась Достоевским в романе еще тогда, когда героя звали Василий. Агриппа говорит:

«О *фениксе*, одинакой птице, Египтяне объявляют, что она самка; напротив того, змий-царь, которого называют *Василиском* и который из всех ядовитейших есть вреднее, всегда самец бывает, а притом и за невозможное почитается ему родиться самкою» (выделено мной. — Т. К.) [Агриппа, 2020: 32–33].

В окончательном тексте Соня — при первом появлении ее в романе — так и осталась фениксом с огненным пером, а вот в имени Родиона Романовича появились слова «роза» и «крепкий», связавшие его с Христом¹⁶.

¹⁶ См. об этом: [Касаткина, 2004: 325]. В начале статьи я уже отметила, что в «Преступлении и наказании» значимы все имена. Агриппа, начиная доказательство достоинства и превосходства женщин с сопоставления имен Адама и Евы, дает (и Елисеев частично это цитирует) объяснение такой значимости имен, описывающих самое существо явлений, в самом начале своей речи: «Но не почел бы кто слабым сие доказательством, чтоб из имен заключать о вещах самых. Особливо знаем мы, что вышний Творец вещей и наименователь оных познал прежде вещи, нежели именовал оные, который как наималейшей не мог учинить погрешности, то такие имена дал оным, которые бы естество, свойства и употребление вещей изображали. Ибо первоначальных имен есть такая истина, как утверждают то и римские законы,

В завершение скажем о значении фамилии книгопродавца Херувимова: почему она сама в своем роде урок, подобный урокам, извлекаемым из предлагаемых им к изданию книг.

Самая первая ассоциация смущает своей прямолинейностью, но уже несколько читателей, регулярно посещающих церковные службы¹⁷, прежде всех — моя сестра, инокиня Елисавета, подтвердили мне ее. *В контексте разговора о том, «человек ли женщина?»* для них явственно звучит (как, в сущности, ответ на этот вопрос) «Честнейшую херувим...», то есть припев (Космы Маюмского) к Песни Пресвятой Богородицы, составленной на текст хвалебной речи Девы Марии (Лк. 1:46–55): «Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем», поющий на каждой утрени в православных храмах. И действительно, это песнь о величии, достоинстве и превосходстве женщины, Которая привела Бога на землю и Которая первая из людей вошла в полноту Божества; песнь, в которой припев повторяется после каждого стиха — то есть мощно вторгается в сознание любого (даже рассеянного или редко посещающего службы) присутствующего:

«Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем.

Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем.

Яко призре на смирение рабы Своея, се бо от ныне ублажат Мя вси роди.

Честнейшую херувим...

Яко сотвори Мне величие Сильный, и свято имя Его, и милость Его в роды родов боящимся Его.

Честнейшую херувим...

что оные совершенно с самыми вещами сходствуют и весьма ясно означают оные. И потому производимые из имен доказательства как у Богословов, так и Юрисконсультов почитаются за весьма важные...» [Агриппа, 2020: 21].

¹⁷ Это первый раз, когда мне действительно удалось зафиксировать независимое от моего восприятие читателей, плотно включенных в литургический контекст — и сообщавших мне о возникшей у них ассоциации *совершенно независимо друг от друга*, в связи с прозвучавшим в моем докладе, предварявшем эту статью и выложенном в интернет, вопросом (без даже намека на ответ) о фамилии Херувимова.

Сотвори державу мышцею Своею, *расточи гордых мыслию сердца их.*

Честнейшую херувим...

Низложи сильные со престол, и вознесе смиренные; алчущия исполни благ, и богатящиеся отпусти тщи.

Честнейшую херувим...

Восприят Израиля отрока Своего, *помянути милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его даже до века.*

Честнейшую херувим...» (выделено мной. — Т. К.).

Заметим, что в двух выделенных мною строках песнопения обнаруживается прямое отрицание теории Раскольникова: просится рассеять «гордых мыслью их сердец» (можно сказать: «изобретающих теории», а еще точнее: «уродующихся в теориях») и низложить *сильных* с престолов, на которые должны взойти *смиренные*: прямое переворачивание двух разрядов Раскольникова. Третья же выделенная строка предвещает появление в Эпilogе Авраама как предвестника преображения, ибо милость к семени его обещана во все времена — а милость Бога — это и есть возможность увидеть мир, каков он есть в свете Его присутствия, а не в мысли гордых сердец.

Второе, совсем уж невероятное, соображение, которое я все же выскажу, потому что, *раз заметив, развидеть его невозможно*, — а это довольно основательный аргумент в защиту того, что связь здесь неслучайна: если мы слушаем песнопение, то есть то, как это звучит для слышащего в храме¹⁸, это еще более заметно, чем при чтении — в строке «от ныне ублажат Мя вси *роди*», словно воспроизводится имя Раскольникова во множественном числе — в том ласковом, снимающем дистанцию, *родственном* виде, в каком до этой сцены его употребляет только мать героя, а затем еще — Разумихин и Дуня. Возможно, выбирая имя для героя, изначально звавшегося Василием, Достоевский (употреблявший и прием упаковывания смысла в созвучия по типу шарад [Касаткина, 2015: 385]) ориентировался и на это созвучие. По поводу же менявшейся (как и имя Раскольникова) фамилии Херувимова Б. Тихомиров пишет: «Окончательный вариант фамилии также не случаен. По остроумному наблюдению С. В. Белова, она звучит

¹⁸ См., напр., здесь: Молитвослов. Православные молитвы [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/molitvoslov/molitvy-ko-presvyatoj-bogorodice.html#pesn_bogoroditsy (02.06.2025).

пародийно: "с одной стороны, Херувимов от "херувимы", ангельский чин в Библии (*евр. cherubim*), а с другой — "естественнонаучные книжки выпускает"" (*Белов. Комментарий. С. 115–116*)» [Тихомиров, 2005: 147].

Однако, если мы принимаем во внимание Песнь Пресвятой Богородицы, то та *единственная* книжка, которую *именно* в момент романного действия выпускает Херувимов, как раз полностью соответствует его фамилии, *право, лучше немца доказывающей, что женщина — человек.*

Список литературы

1. Агриппа Г. К. Неттесгеймский. Речь о достоинстве и превосходстве женского пола: [философский трактат] / пер. с лат. М. Шумилина. М.: Эннеагон Пресс, 2010. 64 с.
2. Агриппа Г. К. из Неттесгейма. Рассуждение о монашеской жизни. О благородстве и преимуществе женского пола / [переиздания переводов конца XVIII века]. Орсье Ж. Агриппа Неттесгеймский. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. 126 с. (Сер.: Gemma magica: материалы и исследования по истории магии и оккультизма. Новая серия; вып. IV.)
3. Агриппа Г. К. Неттесгеймский. О ненадежности и тщете мирских искусств и наук / пер. с лат., комм. и вступ. ст. Д. А. Зеленина. СПб.: Центр содействия образованию, 2023. 490 с.
4. Борисова В. В. Какую разницу в отношении автора и героя к Магомету выявляет микроанализ художественного текста (на примере романа «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 177–190 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2024-3/07_Borisova_177-190.pdf (02.06.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2024-3-177-190. EDN: MAJAOP
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2022. Т. 1–11.–
7. Елисеев Г. З. Внутреннее обозрение // Современник. Журнал литературный и (с 1859 года) политический, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1861. Т. 87. [№ 5, 6]. С. 53–88 (вторая пагинация).
8. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
9. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с. EDN: ZGRRSB

10. Касаткина Т. А. Как и для чего формируется в произведениях Достоевского «указующий перст» автора: Радикальное богословие Достоевского в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 27–51 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2022-4/01_Kasatkina_27-51.pdf (02.06.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2022-4-27-51. EDN: ZVZCPZ
11. Касаткина Т. А. «Мы будем — лица...»: аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т. Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
12. Касаткина Т. А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т. Г., Подосокорский Н. Н. Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0784-7. EDN: TMTGZF
13. Криницын А. Б. Социально-философское осмысление темы справедливости в диалоге «Государство» Платона и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 139–158 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2024-3/05_Krinityn_139-158.pdf (02.06.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2024-3-139-158. EDN: LROABO
14. Меерсон О. Библиейские подтексты у Достоевского как арбитры при толковании спорных мест // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). С. 34–51 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-37-int-A-35-52.pdf (02.06.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-34-51. EDN: EHMRKU
15. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с. EDN: QVCODD
16. Тихомиров Б. Н. Из творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Соня Мармеладова и Порфирий Петрович // Русская литература. 1986. № 2. С. 217–223.
17. Тихомиров Б. Н. «Лазарь, гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
18. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 556 с.
19. Poel Marc van der. The French Translation of Agrippa von Nettesheim's *Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium*: *Declamatio as Paradox* // *Translation and the Transmission of Culture Between 1300 and 1600* / by Jeanette Beer (Author, Editor), Kenneth Lloyd-Jones (Editor). Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1995. P. 305–329.

References

1. Agrippa G. K. *Nettesgeymskiy. Rech' o dostoinstve i prevoskhodstve zhenskogo pola: filosofskiy traktat* [Speech on the Dignity and Superiority of the Female Sex: a Philosophical Treatise]. Moscow, Enneagon Press Publ., 2010. 64 p. (In Russ.)
2. Agrippa G. K. iz Nettesgeyma. *Rassuzhdenie o monasheskoy zhizni. O blagorodstve i preimushchestve zhenskogo pola* [Reflection on the Monastic Life. On the Nobility and Preference of the Female Sex]. Salamandra P.V.V. Publ., 2020. 126 p. (Ser.: Gemma Magica: Materials and Research on the History of Magic and Occultism. New Series, Issue. 4.) (In Russ.)
3. Agrippa G. K. Nettesgeymskiy. *O nenadezhnosti i tshchete mirskikh iskusstv i nauk* [About Unreliability and Vanity of Worldly Arts and Sciences]. St. Petersburg, Tsentr sodeystviya obrazovaniyu Publ., 2023. 490 p. (In Russ.)
4. Borisova V. V. What Difference Does the Microanalysis of a Literary Text Reveal in the Attitudes of the Author and the Protagonist Toward Mohammed? (Using the Example of the Novel "Crime and Punishment"). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2024, no. 3 (27), pp. 177–190. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2024-3/07_Borisova_177-190.pdf (accessed on June 2, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2024-3-177-190. EDN: MAJAOP (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11.– (In Russ.)
7. Eliseev G. Z. Internal Review. In: *Sovremennik. Zhurnal literaturnyy i (s 1859 goda) politicheskii, izdavaemyy s 1847 goda I. Panaevym i N. Nekrasovym* [Sovremennik. A Literary and (Since 1859) Political Journal, Published Since 1847 by I. Panaev and N. Nekrasov]. St. Petersburg, Tipografiya Karla Vul'fa Publ., 1861, vol. 87, no. 5, 6, pp. 53–88 (Second Pagination). (In Russ.)
8. Kasatkina T. A. *O tvoryashchey prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [About the Creative Nature of the Word. Word Ontology in the Works of Fyodor Dostoevsky as the Basis of "Realism in the Best Sense of the Term"]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
9. Kasatkina T. A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [The Sacred in Everyday Life: a Two-Part Image in the Works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 528 p. EDN: ZGRRSB (In Russ.)

10. Kasatkina T. A. How and Why the Author’s “Pointing Finger” Is Formed in Dostoevsky’s Works: Dostoevsky’s Radical Theology in the Novel “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2022, no. 4 (20), pp. 27–51. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2022-4/01_Kasatkina_27-51.pdf (accessed on June 2, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2022-4-27-51. EDN: ZVZCPZ (In Russ.)
11. Kasatkina T. A. “My budem — litsa...”: *analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedeniy Dostoevskogo* [“We Will Be Faces/Persons...”: Analytical and Synthetic Reading of Dostoevsky’s Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)
12. Kasatkina T. A., Korbella K., Magaril-Il’yaeva T. G., Podosokorsky N. N. *Knigi v knige. Rol’ i obraz knigi v romane F. M. Dostoevskogo “Idiot”* [Books in a Book. The Role and Image of the Book in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Idiot”]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024. 392 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0784-7. EDN: TMTGZF (In Russ.)
13. Krinitsyn A. B. Socio-Philosophical Understanding of the Theme of Justice in Plato’s Dialogue “The Republic” and in Dostoevsky’s “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2024, no. 3 (27), pp. 139–158. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2024-3/05_Krinitsyn_139-158.pdf (accessed on June 2, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2024-3-139-158. EDN: LROABO (In Russ.)
14. Meerson O. Biblical Subtexts as Arbiters for Ambiguous Passages. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2019, no. 3 (7), pp. 34–51. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-37-int-A-35-52.pdf (accessed on June 2, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-34-51. EDN: EHMRKU (In Russ.)
15. Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [Phenomenon and Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2010. 400 p. EDN: QVCODD (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. From the Creative History of F. M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”: Sonya Marmeladova and Porfiry Petrovich. In: *Russkaya literatura*, 1986, no. 2, pp. 217–223. (In Russ.)
17. Tikhomirov B. N. “Lazar’! gryadi von”. *Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
18. Tikhomirov B. N. “Lazar’! gryadi von”. *Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2016. 556 p. (In Russ.)
19. Poel Marc van der. The French Translation of Agrippa von Nettesheim’s *Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium*: *Declamatio as Paradox*. In: *Translation and the Transmission of Culture Between 1300 and 1600*. Kalamazoo, Michigan, Medieval Institute Publ., 1995, pp. 305–329. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Касаткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф. М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>; e-mail: t-kasatkina@yandex.ru.

Tatiana A. Kasatkina, PhD (Philology), Director of Research, Head of the Research Centre “Dostoevsky and World Culture”, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>; e-mail: t-kasatkina@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2025

Принята к публикации / Accepted 20.08.2025

Дата публикации / Date of publication 08.09.2025